

Годъ изданія девятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1915.

XVII 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДОЖДАЛИСЬ!.. (стих.).
ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.
ЁЛКА. (стих.).
ВЪ СОБАЧЬЕЙ КОНУРѢ.
ЕЛОЧНЫЙ ДѢДЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Помпейская старинная вазочка (для склеиванія).
Тише ѣдешь—дальше будешь (игра).

— Хочешь, я приколю тебѣ цвѣточекъ?

— Успокойся! У тебя дѣйствительно жар!

Онъ легъ и, подавивъ рыданія, укрѣлся съ головой. Мать вышла отъ него тихонько, зажгла свѣчу и стала спускаться внизъ.

„Должно быть, ему почудилось во снѣ“... подумала она.— „Впрочемъ, пойду погляжу, быть можетъ, это и правда“...

Черезъ минуту въ коридорѣ слышались возня, радостный лай и визгъ, затѣмъ дверь распахнулась и въ комнату къ Сережѣ, какъ сумасшедшій, ворвался Лишній. Онъ бросился къ нему на постель и сталъ лизать его въ шею, въ руки, въ лицо.

— Лишній! обрадовался Сережа, не вѣря своимъ глазамъ.— Мой милый, хорошій, Лишній! Какъ это ты меня нашель? Какъ ты сюда прибѣжалъ?

Но собака такъ обрадовалась и такъ вертѣлась на кровати, что сбила на ней все бѣлье и оставила на подушкѣ отпечатки отъ грязныхъ лапъ. Отецъ и мать стояли у дверей, смотрѣли на эту сцену свиданія и тоже были рады. Эта вѣрность собаки, это ея умѣние найти ихъ въ такомъ большомъ городѣ привели ихъ въ умиленіе и имъ и самимъ уже хотѣлось, чтобы Лишній остался здѣсь у нихъ совсѣмъ, но это была простая, дворовая, громадная собака, которую некуда было здѣсь дѣвать и некуда помѣстить, — и они не знали, что съ ней дѣлать.

— Папа! вдругъ воскликнулъ Сережа, и глаза его заблестали.— Значить, теперь Лишній можетъ остаться съ нами здѣсь? Да?

Папа отвернулся, чтобы не отвѣтить сразу отказомъ.

— На ночь—да, отвѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовала и мама.

Сережа и Лишній остались одни. Они долго еще не спали, ласкались другъ къ другу и наконецъ затихли. Пережитая радость утомила ихъ, они тѣсно прижались другъ къ другу и сладко оба заснули.

На слѣдующее утро во всей квартирѣ стояли гамъ и бѣготня. Проснувшіяся дѣвочки, узнавъ, что прибѣжалъ Лишній, повскакивали съ постелей и, позабывъ обо всемъ, стали съ нимъ играть. Сережа былъ внѣ себя отъ радости. Лишній лаялъ, какъ труба, и наполнялъ все комнаты своимъ крикомъ. Шелъ дождь. Его выпустили погулять, онъ возвратился весь мокрый, сталъ отряхиваться и забрызгалъ собою всю мебель. Только что вымытые полы онъ испачкалъ грязными лапами. Это была громадная дворовая собака—и теперь ясно было уже и для дѣтей, что держать ее здѣсь, въ такой маленькой квартиркѣ, было-бы неудобно и непріятно.

„Но что же дѣлать?“ молча повторялъ Сережа.— „Что дѣлать? Какъ быть?“

И онъ ломалъ себѣ голову и никакъ не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ. Папа и мама тоже переглядывались и тоже, казалось, были заняты судьбою Лишняго. Но, вѣроятно, они не могли придумать ничего, такъ какъ въ полдень пришелъ какой-то человекъ, привязалъ Лишняго на веревку и повелъ его обратно въ Затишье. Лишній упирался, Сережа глядѣлъ на него большими испуганными глазами, а затѣмъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Надо примириться, мальчикъ, обратился къ нему отецъ. — Ты забываешь, что мы въ городѣ. Лучше ты самъ съѣзди не разъ въ Затишье и повидайся тамъ со своей собакой, чѣмъ держать ее здѣсь!

Боже мой! Съѣздить не разъ въ Затишье? Да возможно-ли это? Побывать опять тамъ, гдѣ родился, въ томъ самомъ мѣстѣ, по которому успѣлъ уже соскучиться всего только за одни сутки!

Сережа обрадовался и бросился къ собакѣ, когда ее уводили.

— Ты слышалъ, Лишній? воскликнулъ онъ. — Я могу у тебя бывать! Мы будемъ съ тобою видаться! Я буду приходить къ тебѣ и мы будемъ вмѣстѣ играть!

А затѣмъ они разстались и всѣ въ квартирѣ какъ-то сразу вдругъ приуныли. Точно съ уходомъ Лишняго порвалась послѣдняя связь съ насиженнымъ гнѣздомъ.

Прошли двѣ недѣли. Кое-какъ устроились на новой квартирѣ, развѣсили картины и занавѣски и даже завели на окошкахъ цвѣты. Но всѣмъ было какъ-то тѣсно и непривычно, хотѣлось въ деревню, къ широкимъ полямъ и къ лѣсамъ, гдѣ теперь цвѣли ландыши и должны были появиться первые грибы. Дѣти тосковали. Сережа едва выносилъ эту вынужденную жизнь взаперти и никакъ не могъ привыкнуть къ ежедневному обязательному гулянью по тротуару. Его тянуло обратно въ Затишье. Къ тому-же всѣ эти двѣ недѣли онъ не видѣлъ Лишняго и сталъ по немъ скучать.

— Папа, отпусти меня въ Затишье!.. обратился онъ къ отцу. — Вѣдь ты обѣщаль!

Отецъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Отправляйся! Я и самъ-бы поѣхалъ туда съ тобою, да какъ-то неловко... Только ты поѣзжай по желѣзной дорогѣ.

У Сережи забилось сердце. Онъ не ожидалъ, что папа такъ легко согласится. Изъ Затишья пріѣхали сюда въ экипажѣ, но ѣхать одному по желѣзной дорогѣ было гораздо удобнѣе. Станція отстояла отъ Затишья всего только въ трехъ съ половиной верстахъ и ихъ легко можно было пройти пѣшкомъ. Начались сборы. Мама сдѣлала для Сережи нѣсколько бутербродовъ, папа далъ ему полтора рубля, и полный волненія и чувствуя себя большимъ, Сережа въ первый разъ въ жизни отправился такъ далеко одинъ. Онъ не помнилъ, какъ добрался въ трамваѣ до вокзала, какъ доѣхалъ до своей станціи и какъ вышелъ потомъ изъ вагона. Онъ пришелъ въ себя только тогда, когда запахалъ по широкому полю къ своей бывшей усадьбѣ, когда услышалъ въ деревьяхъ гомонъ птичьихъ голосовъ и когда свѣжій, чистый, свободный вѣтеръ сталъ обдувать его пылавшее лицо.

Вотъ верстовой столбъ, вотъ одинокая кузница у дороги, вотъ сѣнной сарай у опушки лѣса. Сейчасъ будетъ поворотъ, потомъ горка, а съ горки ужъ откроется и видъ на Затишье. Какъ сильно бьется у Сережи сердце! Онъ уже не можетъ идти, а бѣжить. Онъ спотыкается, задыхается, но не обращаетъ на это вниманія и только и думаетъ о томъ, какъ увидитъ сейчасъ родную усадьбу и встрѣтитъ въ ней дорогого, искренняго друга.

Но вотъ ужъ и усадьба. Сквозь рѣшетку видно, какъ около дома ходитъ какой-то незнакомый господинъ, и около него бѣгаетъ дѣвочка. Это новые хозяева. Какая-то чужая собака, замѣтивъ Сережу, бросается съ лаемъ къ воротамъ. Хозяинъ отгоняетъ ее и подходитъ къ Сережѣ.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спрашиваетъ онъ.

Сережѣ странно, что его, который здѣсь родился и выросъ, не пускаютъ сюда безъ такого вопроса.

— Мнѣ хотѣлось-бы повидаться съ... собакой, робко отвѣчаетъ онъ.—Здѣсь у васъ осталась наша собака Лишній... Я хотѣлъ-бы ее увидѣть.

— Собаку?.. переспрашиваетъ въ изумленіи новый хозяинъ.—Какую это собаку? Какая это такая лишняя собака?

— Не лишняя, а Лишній... отвѣчаетъ Сережа.—Она большая, бѣлая, съ лохматой шерстью.

Хозяинъ переглядывается съ дѣвочкой.

— Это, папа, навѣрное та, говоритъ дѣвочка, которая сидитъ у насъ на цѣпи!

Сердце Сережи обливается кровью. Неужели-же бѣднаго Лишняго посадили на цѣпь? Такъ вотъ почему онъ такъ долго не прибѣгалъ къ Сережѣ въ городъ!

Хозяинъ отпираетъ калитку и пускаетъ Сережу. Онъ идетъ по родной усадьбѣ виновато, точно не по своей, и боится даже ступить ногами о ту землю, по которой еще такъ недавно бѣгалъ и игралъ съ сестрами и съ Лишнимъ.

— Вонъ тамъ! говоритъ дѣвочка и указываетъ на скотный дворъ.—

Тамъ въ углу, за людской кухней. Только смотрите, какъ бы онъ васъ не порвалъ!

Порвать его? Сережу? — Да можетъ-ли это быть? И мальчикъ съ тревогой, но въ то же время смѣлыми шагами направляется къ людской. Онъ идетъ и слышитъ, какъ за его спиной новый владѣлецъ кому-то говорить:

— Это было такой ошибкой съ моей стороны покупать это имѣніе! Дешево заплатилъ, а все къ чему и для чего? Заниматься хозяйствомъ.—не умѣю, ничего не понимаю, а осень и зиму здѣсь, вѣроятно, умру со скуки и тоски. Пропавшія деньги!

Сережа слышитъ эти слова и ему кажется страннымъ, какъ это можно умереть со скуки въ такой милой усадьбѣ и какъ это можно покупать имѣніе только для того, чтобы его купить и тѣмъ выселить изъ него другихъ? И для него, маленькаго мальчика, вдругъ какъ-то сразу стало ясно изъ этихъ словъ, что для того, чтобы любить землю, нужно имѣть съ ней связь, нужно быть ей роднымъ, какъ братъ или сестра, и быть готовымъ посвятить ей всю свою жизнь и даже за нее умереть. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ Сережа умеръ-бы сейчасъ за свое родное Затишье, которое составляло для него часть его великой родины, великой, дорогой, ненаглядной Россіи!

Ночь. Стрѣлка показываетъ два. Леночка и Катя видятъ уже десятый сонъ, но папа и мама еще не спятъ. Лица ихъ встревожены, движенія безпокойны. Они то и дѣло поглядываютъ на часы и переглядываются между собою. Давно-бы уже пора Сережѣ вернуться

изъ Затишья, но его все еще нѣтъ. Онъ какъ уѣхалъ еще рано утромъ въ девять часовъ, такъ и не возвращался до сихъ поръ. Гдѣ-бы онъ могъ быть? Не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь въ дорогѣ? Живъ-ли онъ? Не попалъ-ли онъ подъ поѣздъ? Папа уже нѣсколько разъ выходилъ на улицу его встрѣчать, но не встрѣтилъ, сѣздилъ и на вокзалъ, но тамъ ему сказали, что поѣздовъ уже не будетъ до самого утра. Мама волновалась и плакала. Поѣхать-бы сейчасъ въ Затишье самому, но все равно лошадей сейчасъ нанять нельзя, а первый поѣздъ отправляется только утромъ въ девять часовъ. И взволнованный папа въ который уже разъ ходитъ изъ угла въ уголъ и тихо молится.

— Господи, спаси его! Господи, прости меня и береги его для меня!

А мама только смотритъ безмолвно на образъ и только видно, какъ у нея на глазахъ блестятъ слезинки.

— Ложись спать! обращается къ мамѣ папа.—Ты устала... Тебѣ надо отдохнуть!

— Нѣтъ, ложись ужъ ты, а я еще подожду!.. отвѣчаетъ мама и оба они не ложатся и все ждутъ, ждутъ, и ночь кажется имъ такою длинной, какъ вѣчность...

Наступило утро. Людская кухарка въ Затишѣ проснулась рано, чтобы подоить коровъ, захватила съ собой остатки отъ вчерашней ѣды, чтобы бросить ихъ цѣпной собакѣ, и отправилась на скотный дворъ.

Подойдя къ конурѣ, къ которой былъ прикованъ на цѣпи Липній, она въ изумленіи остановилась, какъ вкопанная.

— Святъ, святъ, святъ!.. залепе-

тала она.—Съ нами крестная сила! Это что-же такое?

Около будки сидѣлъ Липній, а около него, прильнувъ щекою къ его спинѣ, сладко спалъ Сережа. Все лицо его и костюмчикъ были покрыты утреннею росой и видно было, что ночью и на зарѣ ему было холодно, но онъ жался къ своей любимой собакѣ и старался согрѣться ея тѣломъ. Мальчикъ спалъ крѣпко и не проснулся даже отъ окрика кухарки.

— Пойти сходить за бариномъ!.. проговорила кухарка.—Онъ рано встаетъ и теперь проснувши.

И оставивъ около будки доенку и принесенную ѣду, она отправилась за хозяиномъ въ домъ. Новый помѣщикъ въ это время уже бродилъ въ халатѣ по саду и все вздыхалъ и охалъ, что потратилъ послѣднія свои деньги на покупку ни на что ненужнаго ему Затишья.

Около будки сидѣлъ Липній, а около него сладко спалъ Сережа.

— Ты, Дарья, что? спросилъ онъ подходившую къ нему кухарку.

— Да у насъ, баринъ, сегодня ночью, что-то случивши! отвѣтила она.—Подхожу я сейчасъ къ цѣпной собакѣ, чтобы дать ей ѣсть, а около нея спить какой-то мальчѣнко. Такъ прикорнулъ къ ней, голубчикъ, и спить... Въ собачьей будкѣ. Обнявши оба...

— Мальчѣнко? удивился хозяинъ.—Въ собачьей будкѣ? Обнявшись?

И, полный удивленія, онъ отправился съ кухаркой на скотный дворъ. Сережа все еще сладко спалъ. Хозяинъ тотчасъ-же узналъ въ немъ того самаго мальчика, которому онъ вчера отворялъ калитку.

— Да вѣдь это сынъ прежняго владѣльца! воскликнулъ онъ.— Вѣдь онъ изъ благородныхъ! А ты, дура, его держишь здѣсь!

И онъ похлопалъ мальчика по плечу. Сережа вздрогнулъ, проснулся, быстро вскочилъ на ноги и сталъ виновато протирать глаза.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? обратился къ нему хозяинъ.— Развѣ можно здѣсь спать? Вѣдь здѣсь грязь и нечистота! Иди лучше въ комнату!

Сережа оглядѣлся и вдругъ горько заплакалъ.

— Чего-же ты плачешь? спросилъ хозяинъ.

— Мнѣ не хочется уходить отсюда, отвѣтилъ сквозь слезы Сережа,—я въ городѣ жить не могу и умру тамъ съ горя! Я здѣсь родился, выросъ,—и меня насильно потащили туда. Мои папа и мама каждый день плачутъ, что у нихъ отняли это имѣніе, а сестры похудѣли и перестали смѣяться. Кромѣ того, вы посадили на цѣпь

эту мою собаку, а она умная, и я люблю ее больше всѣхъ!

Онъ закрылъ руками лицо, взвизгнулъ и, подергивая плечами, продолжалъ истерически плакать. Хозяинъ смотрѣлъ на него, не зная, какъ его унять, и молчалъ.

— Спусти собаку съ цѣпи! наконецъ приказалъ онъ кухаркѣ.

Та тотчасъ-же исполнила его приказаніе. Почувствовавъ вдругъ свободу, Лишній пробѣжался раза два по скотному двору, какъ сумасшедшій, и затѣмъ сталъ бросаться къ Сережѣ и лизать его въ лицо.

— Лишній!.. Лишній!.. сталъ ласкать его мальчикъ.—Мой милый, дорогой, хорошій Лишній!..

Хозяинъ молча стоялъ въ сторонкѣ и, хмурясь, смотрѣлъ на эту сцену.

— Не онъ здѣсь лишній, а я! проговорилъ онъ и, завернувшись въ полы халата, тяжелою походкой направился къ дому.—Нужно мнѣ было покупать это имѣніе! Только принесъ этимъ несчастіе другимъ!

Кухарка пошла доить коровъ, и мальчикъ съ собакой остались одни.

— Пойдемъ, Лишній! сказалъ наконецъ Сережа.—Мы здѣсь съ тобой чужіе!

И, свистнувъ собакѣ, онъ побрелъ съ нею на станцію. Всю дорогу вокругъ него пѣли птицы, ему кланялась по пути колосившаяся рожь, деревья шумѣли надъ нимъ листвою и встрѣчный, ласковый вѣтерокъ, какъ и вчера, обвѣвалъ его лицо. Сережа шелъ, вдыхалъ въ себя этотъ утренній, свѣжій, ароматный воздухъ, и ему было жаль расставаться съ деревней и не хотѣлось—ахъ, какъ не хотѣлось!—возвращаться обратно

въ душный, пыльный, тѣсный городъ.

Но вотъ онъ уже въ вагонѣ. Лишній забился подъ лавку и притаился такъ, что его не слышно. Будки, телеграфные столбы, закопѣлое депо, ряды вагоновъ—все это мелькаетъ передъ глазами Сережи, какъ на лентѣ кинематографа—и вотъ наконецъ уже и городской вокзалъ. Поѣздъ останавливается. Путь конченъ, и Сережа съ Лишнимъ выходятъ изъ вагона.

— Сережа! вдругъ слышитъ мальчикъ около себя радостный окрикъ.

Онъ оборачивается и видитъ передъ собой отца. Папа бросается къ нему, крѣпко обнимаетъ его и начинаетъ цѣловать. А около нихъ, съ визгомъ и радостнымъ лаемъ прыгаетъ Лишній и старается каждаго изъ нихъ лизнуть непременно въ самыя губы и въ лицо и поднимаетъ такой шумъ, что прохожіе останавливаются и съ любопытствомъ начинаютъ ихъ оглядывать.

Черезъ недѣлю папа получилъ отъ кого-то письмо. Онъ прочиталъ его и сталъ набожно креститься. Прочитала и мама, радостно заплакала и тоже стала креститься.

— Что такое? спросилъ Сережа.

Папа протянулъ къ нему письмо.

— Прочти самъ! сказалъ онъ. — Это отъ новаго владѣльца Затишья!

Сережа отошелъ къ окшку и сталъ читать.

„Милостивый Государь, писалъ къ папѣ этотъ господинъ.—Проживъ около мѣсяца въ бывшемъ

вашемъ Затишья, я убѣдился въ томъ, что сдѣлалъ ошибку, приобрѣтя его черезъ банкъ. Я не созданъ для деревенской жизни и къ тому-же имѣю основанія предполагать, что, благодаря этой покупке, Вы и Ваши дѣти лишены насиженаго гнѣзда и родного угла. Позвольте обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ. Не пожелаете-ли Вы купить у меня обратно Ваше Затишье безъ всякой надбавки въ цѣнѣ и чѣмъ-бы скорѣе Вы это сдѣлали, тѣмъ оказали-бы мнѣ бѣольшую услугу. Я человекъ больной, нуждаюсь въ постоянной помощи врача и наступающая осень страшитъ меня еще бѣольшимъ ухудшеніемъ здоровья, такъ какъ мнѣ придется безвыѣздно жить въ Затишья, чего я очень боюсь. Я въ въ Затишья—лишній. Въ надеждѣ получить отъ Васъ скорѣйшій отвѣтъ, остаюсь съ почтеніемъ
Такой-то“.

Сережа прочиталъ это письмо, и сердце его забилось отъ радости.

— Ну, и что-же ты, папа, ему отвѣтишь? спросилъ онъ.

На папѣ отъ радости не было лица.

— Что отвѣчу? переспросилъ онъ. — Конечно, то, что охотно соглашаюсь на его предложеніе и покупаю у него усадьбу обратно! Онъ нисколько не увеличиваетъ цѣны!

Сережа прыгаетъ, хлопаетъ въ ладоши и отъ счастья не знаетъ, что дѣлать. вмѣстѣ съ нимъ высоко подпрыгиваетъ и его любимый, четвероногій другъ.

М. Б—скій.

БЕЗЪ МАТЕРИ.

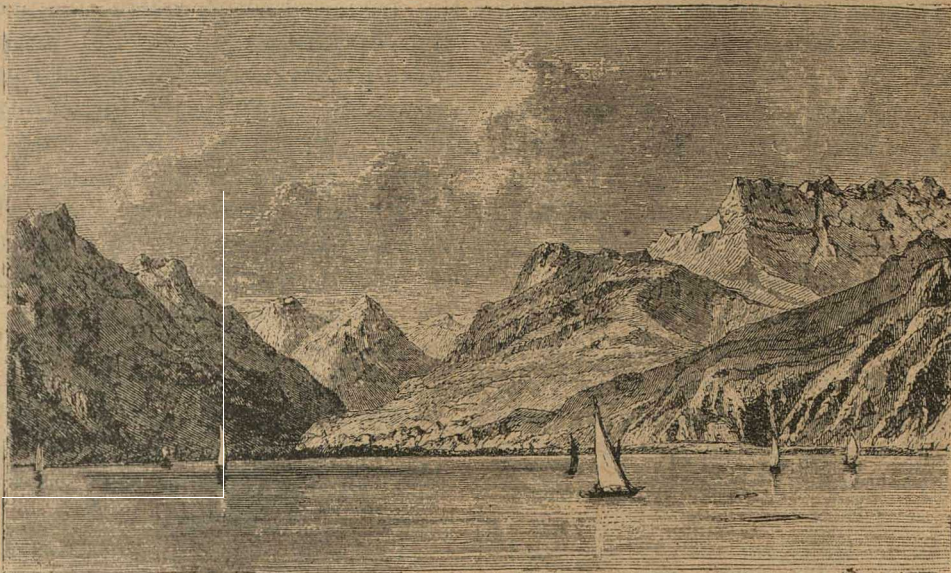
ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

О, если-бы только найти дорогу въ рай! Съ какимъ-бы наслажденіемъ Вѣра побѣжала туда и рассказала-бы обо всемъ своей матери!

Потеря Буси казалась Вѣрѣ безнадежной, она уже не отыскивала его, а все шла и шла, куда гля-

стуча ногами по мостовой, зажглись огни, и вечеръ вступилъ въ свои права. Мимо Вѣры проходили люди, которымъ не было до нея ровно никакого дѣла, проѣзжали извозчики и ломовые и все было такъ не похоже на деревню, къ которой

У береговъ острова Таити.

дѣли ея глаза. Она была босикомъ и не одѣта, ей было холодно, но она этого не замѣчала и только смотрѣла въ ту сторону, гдѣ въ концѣ улицы, далеко-далеко на горизонтѣ, виднѣлась еще не совсемъ угасшая полоска потухшаго уже заката.

„Тамъ, должно быть, рай!..“ шептала она. — „Тамъ моя мама!“

Становилось холодно и сыро. На фабрикахъ прогудѣли гудки, прошли партіи рабочихъ, громко

стремилась душа Вѣры, и къ которой такъ ее всегда тянуло. Теперь тамъ было просторно, наступающая осень разукрасила деревья въ желтый и красный цвѣта и повсюду стоялъ свѣжій, бодрящій воздухъ, какого никогда не было и не могло быть въ этомъ грустномъ, тѣсномъ фабричномъ кварталѣ.

— А что, если я пойду туда? вдругъ задала себѣ Вѣра вопросъ.

И она даже улыбнулась отъ удовольствія. Мысль оказаться въ

Катанье съ горы.

деревнѣ, покинуть навсегда этотъ городъ и начать новую жизнь—показалась ей заманчивой. Теперь, когда Буся исчезъ неизвѣстно куда и когда ее не привязываетъ къ жизни у вотчима уже ничто, она почувствовала вдругъ себя свободной и, собравъ все свои силы, побѣжала въ ту сторону, гдѣ еще чуть замѣтно алѣла заря.

— Я тамъ наймусь пасти коровъ, шептала она, — или брошусь къ кому-нибудь въ ноги, заплачу и скажу:—„Сжальтесь надо мною, и не гоните меня: я одинокая, несчастная сирота!“ Меня пожалѣютъ и оставятъ въ деревнѣ..

Она бѣжала вдоль улицы, а холодъ все больше и больше сковывалъ ея босыя ноги, и по всему тѣлу у нея пробѣгали мурашки. Ахъ, зачѣмъ зачѣмъ, она не надѣла башмаковъ и не набросила на себя пальтишка!

Но это ничего. Она пробѣжитъ еще версту или двѣ, добѣжитъ до той свѣтлой полоски, гдѣ небо сходится съ землею, и, если ее не обманетъ ея предположеніе, то она влѣзетъ прямо на небо и попадетъ въ рай. Тамъ будетъ тепло, будетъ много зеленой травки и доброты, той самой доброты, которой она не видѣла со дня смерти матери. Тамъ она увидитъ Боженьку, который запретилъ грубо обращаться съ дѣтьми, и спроситъ у Него, гдѣ Буся? Боженька укажетъ ей, она сбѣгаетъ за нимъ, найдетъ его и приведетъ его тоже въ рай. И будутъ они тамъ вмѣстѣ, около своей мамы, будутъ бѣгать по зеленой травкѣ и кушать золотыя яблочки.

Пока она бѣжала и мечтала о раѣ, закатъ погасъ уже совсѣмъ. Большой трехэтажный домъ неожиданно преградилъ ей дорогу,

она свернула вправо, потомъ влѣво потомъ опять вправо, запуталась въ узкихъ переулкахъ и въ темнотѣ ночи, будучи уже не въ силахъ двигаться отъ холода и отъ усталости, опустилась на землю и прислонилась озябшей спиной къ забору.

„Посажу здѣсь, подумала она, — отдохну и побѣгу далѣе“...

Но она совсѣмъ уже озябла. Все тѣло ея дрожало, зубы стучали и она не въ силахъ была подняться и продолжать путь. Какая-то тяжелая истома, какъ свинцомъ, наполнила ея члены, ей захотѣлось вдругъ спать и въ то-же время она знала, что въ такой обстановкѣ не заснетъ никогда, — и вдругъ стала плакать.

Неужели-же она такъ и не добѣжитъ до рая? Неужели ей такъ и суждено всю ночь оставаться въ этомъ темномъ, грязномъ, незнакомомъ переулкѣ и дрожать отъ холода?

И съ каждой минутой окружавшая ее ночь сгущалась все болѣе и болѣе и становилось все холоднѣе и холоднѣе.

Вѣра поплакала, закрыла глаза и впала въ забытье.

— Дѣвочка, ты чья? вдругъ раздался около нея женскій голосъ.

Вѣра не отвѣтила.

— Чего ты тутъ прижалась и сидишь?

Вѣра услышала этотъ голосъ, поняла его, но не нашла въ себѣ силъ отвѣтить.

Тогда женщина наклонилась надъ ней, внимательно оглядѣла ее, а затѣмъ взяла ее на руки и понесла.

— Ухъ, какая ты тяжелая!.. проговорила она.

Пріятная теплота пролилась вдругъ по тѣлу Вѣры. Ее укрыли

шалю и незнакомка крѣпко прижала ее къ себѣ. Вѣрѣ вдругъ стало хорошо отъ этой ласки неизвѣстной ей женщины. Ее несли куда-то, она не знала, куда именно, да и не хотѣла знать: не все-ли это было для нея равно? Женщина не спросила ее, кто она, кто ея родители, какъ очутилась она ночью у забора, а просто пожалѣла ее и взяла ее съ собой.

— Пойдемъ, бѣдняжка, пойдемъ! говорила она. — Я дамъ тебѣ тепленькаго чайку, ты и согрѣешься.

Она подошла съ Вѣрой къ какому-то маленькому домику съ закрытыми ставнями и постучалась въ дверь. Ей отворила дѣвочка лѣтъ одиннадцати.

— Это что, мама? спросила она, указавъ подбородкомъ на Вѣру.

— Дѣвочку какую-то подобрала... отвѣтила женщина. — Подъ заборомъ валялась... Надо ее обогрѣть, а то вся дрожитъ, озябла...

— Бѣдненькая!.. нараспѣвъ проговорила дѣвочка.

Гдѣ Вѣра слыхала этотъ тоненькій голосокъ? Какъ будто-бы онъ ей знакомъ! Она слыхала его, кажется, еще только сегодня, когда ходила съ Бусей гулять на бульварѣ!

Женщина внесла Вѣру въ комнату и уложила въ постель.

— Полежи здѣсь! сказала она. — А ты, Клаша, скипяти скорѣе на керосинкѣ воды и завари чаю! Вишь, какъ она озябла!

Какая-же это Клаша? И имя знакомое!.. Ахъ, да! Это та самая дѣвочка, которая просила позволенія поцѣловать Бусю и рассказала Вѣрѣ о томъ, какъ Христось запретилъ отгонять отъ Него дѣтей! Боже мой, какая радость!

Вѣра открыла глаза и оглядѣлась.

Въ маленькой, низенькой комнаткѣ было тепло и уютно. Стояла старомодная мебель краснаго дерева, на окнахъ виднѣлись цвѣты, пахло свѣже-вымытыми полами. Передъ образомъ горѣла лампадка. Женщина опустилась передъ кроватью на колѣни и обняла Вѣру за талию.

— Лежи, моя касатка! ласково сказала она. — Грѣйся на здоровье! Сейчасъ Клаша принесетъ тебѣ чайку!

Вошла Клаша. Да, это та самая дѣвочка, которую Вѣра встрѣтила на бульварѣ!

— Клаша! воскликнула Вѣра.

Клаша посмотрѣла на нее, но не узнала. Она только улыбнулась и закивала Вѣрѣ головой.

— Сейчасъ, сейчасъ! сказала она. — Я уже заварила!

Вѣра такъ перезябла, такъ устала, а здѣсь было такъ тепло и хорошо, что она позабыла обо всемъ, напилась чаю и тотчасъ-же заснула.

Она проснулась рано утромъ, когда было еще темно. Горѣла лампа и у образа, на колѣняхъ молилась мать Клаши. Въ окошко виднѣлось синее небо, на которомъ гасли и мерцали звѣзды. Гудѣли утренніе гудки на фабрикахъ. Вѣрѣ было такъ пріятно лежать подъ одѣяломъ, что она не шевельнулась и не подала вида, что проснулась. Мать Клаши кончила молиться и подошла къ Вѣрѣ.

— Ахъ, бѣда, бѣда!.. проговорила она и перекрестила дѣвочку. — И сколько васъ развелось на свѣтѣ несчастной нищеты! И куда васъ всѣхъ дѣвать? Ну, спи, моя милая, Господь съ тобою! Ужо утречкомъ надо сказать о тебѣ генеральшѣ, авось она опредѣлитъ тебя куда-

нибудь въ пріютъ. У генеральши служить экономкой моя сестра.

Разсвѣтъ въ окнахъ сталъ обозначаться яснѣе, а затѣмъ стало и совсѣмъ свѣтло. Проснулася Клаша и защебетала, какъ птичка. И, странное дѣло, она не узнавала Вѣру. Вѣра признала ее еще вчера, но Клаша держала себя такъ, точно не видала ее ни разу.

„Развѣ напомнить ей о томъ, какъ она цѣловала Бусю“? подумала Вѣра, но мысль о Бусѣ сразу-же наполнила горемъ ея душу. Гдѣ-то онъ теперь? Живъ-ли онъ? И какъ она теперь будетъ безъ него?

И она встала на колѣнки на кровати, закрыла руками лицо и горько заплакала.

— Не плачь, не плачь, дѣтка! обратилась къ ней мать Клаши. — Все устроится! Богъ поможетъ!

Сѣли пить чай, затѣмъ Клашина мать ушла, и дѣвочки остались однѣ. Вѣрѣ было такъ пріятно находиться въ этой маленькой семьѣ, въ этомъ крошечномъ домикѣ съ его старинной мебелью и съ такой удивительной чистотой, что она съ замираніемъ сердца подумывала о томъ, что надо возвращаться домой. Но куда идти? Неужели къ себѣ, гдѣ для нея все было всегда такъ чуждо и такъ непривѣтливо? Неужели она сможетъ опять жить въ томъ уныломъ домѣ, гдѣ такъ много жильцовъ и гдѣ нѣтъ теперь самага главнаго для нея—это Буси? Вотъ жаль только того, что тамъ остались ея чулки и башмаки! Въ чемъ она будетъ теперь ходить? А вчера было такъ холодно и сыро!

Затѣмъ Клаша достала изъ комода множество тряпокъ, и дѣвочки стали играть. Боже мой, какое

счастье! Вѣра никогда еще не играла ни во что и теперь ей все было такъ ново и дико, что она боялась прикасаться къ тряпкамъ, точно ожидала, что ее могутъ за это ударить по рукамъ. Когда-же Клаша достала еще и куклу, то глаза у Вѣры заблестали, она позабыла обо всемъ и чуть слышно проговорила:

— Дай поддержать!

Клаша протянула къ ней куклу и засмѣялась.

— Играй, играй! сказала она. — Я ничего!

А затѣмъ она серьезно посмотрѣла на Клашу и продолжала:—

— Вчера, послѣ вечерни, я была съ мамой на бульварѣ и видѣла тамъ дѣвочку съ мальчикомъ. Хорошенькій такой! Глаза такіе же, какъ и у этой куклы. Я его поцѣловала. У меня былъ точно такой же братишка, да умеръ... Мнѣ такъ жалко!

И на глазахъ у нея засвѣтились слезы.

Вѣра не сказала ей, что это была она съ Бусей, и тоже задумалась.

— Онъ теперь у Боженки въ раю, продолжала Клаша,—а все-таки мнѣ скучно безъ него. Я такъ любила его нянчить! Вотъ, если-бы опять встрѣтить того мальчика! Онъ, какъ двѣ капли воды похожъ на нашего Костю!

У Вѣры пробѣжали двѣ слезинки по щекамъ.

— Ты того мальчика не увидишь больше никогда, сказала она.

— Почему? спросила Клаша.

— Потому что онъ пропалъ неизвѣстно куда...

— А откуда ты это знаешь? Чего ты сейчасъ плачешь?

— Такъ...

— Нѣтъ, скажи, почему?

Вѣра хотѣла было рассказать Клашѣ все, но въ это время въ комнатку вошла мать Клаши и, перекрестившись на образъ, сказала:

— Богъ милости прислалъ! Вотъ вамъ, дѣвочки, просвирка! У обѣдни была!

— А батюшка читалъ опять про дѣтей? сразу же спросила Клаша.

— Нѣтъ, отвѣтила ей мать, развязывая платокъ. — Сегодня про другое...

— И про рай не читалъ? робко спросила и Вѣра.

Клашина мать раздѣлась совсѣмъ, подошла къ Вѣрѣ и потрогала ее за подбородокъ.

— И-и, милая! отвѣтила она. — Рай не только на небѣ, а и на землѣ. Миръ въ семьѣ, да ладъ, да любовь, да чистенько, да тепло, да никто никого не обидитъ—вотъ тебѣ и рай! Гдѣ любовь — тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ—тамъ и рай!

Она медленно сложила шаль и сѣла въ старинное кресло. Вѣра задумалась и уставилась въ одну точку. Тряпки вывалились у нея изъ рукъ.

— Ты о чемъ задумалась? спросила ее Клаша.

— Такъ, о раѣ... отвѣтила она. — Тамъ теперь моя мама... И папа тоже...

— Значитъ, ты сирота? спросила Клашина мать.

— Да.

— Гдѣ же ты до сихъ поръ жила?

— У Кривцова... Только онъ мнѣ не родной отецъ... Онъ уже уѣхалъ!

— Значитъ, онъ тебя бросилъ на произволъ судьбы?

— Нѣтъ, не бросилъ... Онъ только уѣхалъ... Напѣ Буся пропалъ!

И она вдругъ громко зарыдала и заторопилась сразу домой. Ей пришло на умъ, что Буся могъ какъ-нибудь случайно вернуться или его могли найти и принести домой, а ея тамъ нѣтъ, и онъ теперь сидитъ тамъ одинъ, плачетъ и зоветъ ее къ себѣ. А ея тамъ нѣтъ.

И она засуетилась, засуматошилась и стала прощаться.

— Да куда ты, глупенькая! возразила Клашина мать.— Вѣдь ты босая и безъ чулокъ! Ну, куда ты пойдешь? Вѣдь сегодня холодно!

Но Вѣра расплакалась еще больше и не хотѣла слушать. Остаться здѣсь, промѣнять этотъ земной рай за счастье быть снова съ Бусей казалось ей преступнымъ, и она стала просить, чтобы ее не удерживали и отпустили домой.

— Пора! Пора! лепетала она.— Онъ навѣрное уже вернулся! Онъ навѣрное теперь уже тамъ!

Клаша и ея мать переглянулись. Затѣмъ Клаша полѣзла подъ кровать и достала оттуда поношенные башмаки. Ея мать вынула изъ комода шерстяные чулки.

— На, одѣвай! сказала она Вѣрѣ.

Вѣра обрадовалась, быстро надѣла чулки и башмаки, поцѣловала Клашу, поцѣловала руку у ея матери и направилась къ выходу.

— Да ты скажи хоть, гдѣ ты живешь? крикнула ей вдогонку Клашина мать.— Я передамъ о тебѣ генеральшѣ и она тебѣ поможетъ! Она много дѣлаетъ бѣднымъ добра!

Вѣра сказала ей свой адресъ и выбѣжала на улицу.

Но куда теперь идти? Въ пе-реулкѣ было пустынно, не у кого было спросить, она оглядѣлась и по звону колокола, звонившаго къ поздней обѣднѣ гдѣ-то далеко въ сторонѣ, догадалась, куда нужно было идти.

Полчаса спустя, она была уже около своего дома. Со страхомъ она поднялась по его лѣстницѣ, къ себѣ на третій этажъ, со страхомъ вошла къ себѣ въ квартиру. Все, какъ было вчера, такъ оставалось и теперь. Только было холодно. Ясно, что никто не поинтересовался, были ли дѣти дома или нѣтъ, и никто не заглянулъ за все это время въ квартиру.

— Буся! робко окликнула Вѣра.

Но никто не отозвался. Она окликнула еще разъ и отвѣта опять не послѣдовало. Сердце у нея забилось. Значить, Буся не возвращался совсѣмъ. Она оглядѣлась по сторонамъ, заглянула въ спальную, поглядѣла за чѣмъ-то подъ кровать — Буси не было нигдѣ. И какъ здѣсь было все чуждо и не похоже на тотъ маленький, уютный рай, въ которомъ она провела ночь и только что была и теперь.

Она переобулась, надѣла пальтишко и снова вышла на улицу.

— Пойду, куда глаза глядятъ! рѣшила она и поплелась въ ту сторону, гдѣ вчера вечеромъ на краю города на горизонтѣ виднѣлась мутная заря.

Она шла и шла, ничего не замѣчая вокругъ себя, и, наконецъ, вышла изъ города. Вотъ уже послѣдній заборъ, вотъ опустѣвшіе огороды, съ торчащими отъ срубленной капусты стеблями, а вотъ

и чья-то большая, роскошная усадьба. Сквозь желѣзную рѣшетку виднѣются дорожки, посыпанныя свалившимся желтымъ листомъ. Далѣе, сквозь черные стволы липъ виднѣется большой бѣлый домъ съ колоннами. Какъ, должно быть, тамъ тепло и хорошо! Вѣра беретъ за прутья рѣшетки руками, просовываетъ сквозь нихъ голову и долго-долго смотритъ черезъ паркъ на домъ.

И вдругъ случается чудо! Вдалекѣ раздаются дѣтскіе голоса, которые становятся все ближе и ближе и съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ по самой крайней къ рѣшеткѣ аллеѣ пробѣгаютъ мальчикъ и дѣвочка, которые ведутъ съ собою маленькаго, трехлѣтняго карапуза. Онъ закинулъ голову назадъ и хохочетъ. Вѣра узнаетъ дѣвочку: это Клаша. Но какъ она сюда попала? Она узнаетъ и карапуза. Это — ея желанный, ненаглядный Буся.

— Буся! Буся! кричитъ она, не помня себя. — Я здѣсь! Я здѣсь!

Все мутится у нея въ глазахъ. Она не видитъ и не слышитъ вокругъ себя ничего, ей кажется, что земля готова выскочить у нея изъ подъ ногъ, и она еще крѣпче вцѣпляется руками въ прутья рѣшетки.

— Буся! Буся! продолжаетъ она кричать не своимъ голосомъ.

Дѣти вздрагиваютъ и останавливаются. Затѣмъ у Клаши проясняется лицо, она узнаетъ Вѣру и говоритъ ей:

— Иди сюда! Здѣсь можно! Боря, зови ее сюда!

А Буся глядитъ на сестру съ такимъ видомъ, точно она свалилась сюда съ неба.

— Вѣра!.. восклицаетъ онъ, чисто по-дѣтски картавя букву „р“.

Боря выбѣгаетъ за рѣшотку и, какъ и вчера это было съ Бусей, хватается Вѣру за руку и втаскиваетъ ее въ паркъ. Затѣмъ всѣ дѣти бѣгутъ въ домъ.

— Бабушка! Бабушка! кричитъ Боря.— Бусина сестра наплась!

Генеральша Войницкая раскрываетъ лорнетъ и со всѣхъ сторонъ оглядываетъ Вѣру. Около нея стоитъ почтительно Клашина мать и говорить:

— Это, ваше превосходительство, та самая дѣвочка, о которой я вамъ только что говорила. Изъ-за нея-то я къ вамъ сейчасъ и пришла. У нея нѣтъ матери и отца. Она — сирота.

Генеральша опять осматриваетъ Вѣру и, повидимому, остается ею очень довольна.

— Хорошо, отвѣчаетъ она, — я позабочусь о ней. Идите съ Богомъ, Анна Петровна! Я оставлю ее пока у себя! А вы, дѣти, бѣгите гулять въ садъ!

Боря и Клаша взвизгиваютъ, хватаютъ за руки Бусю и Вѣру и выбѣгаютъ съ ними въ паркъ. Боря торжествуетъ. Теперь онъ не одинъ. У него теперь есть друзья, съ которыми онъ будетъ играть съ утра и до вечера и не будетъ такъ скучать, какъ до сихъ поръ.

Затѣмъ Анна Петровна и Клаша уходятъ. Боря, Вѣра и Буся остаются одни. Вѣра чувствуетъ, что ей давно уже пора уходить

съ братомъ домой, но она не можетъ никакъ рѣшиться и все оттягиваетъ разставаніе. Ей такъ здѣсь хорошо!

„Вотъ, если бы и моя мама была здѣсь!“ думаетъ она.— „Это совсѣмъ было бы похоже на рай!“

И наконецъ она рѣшается и робко подходитъ къ генеральшѣ и начинаетъ съ ней прощаться и благодарить за радушіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! возражаетъ генеральша.— Ты останешься у меня съ братишкой пожить! Я уже навела о тебѣ справки, знаю, что твой отчимъ уѣхалъ надолго и оставилъ васъ однихъ, и хочу, чтобы ты у меня пожила. Если будетъ возможно, то я оставлю тебя здѣсь у себя совсѣмъ!

Вѣра смотритъ на генеральшу, на всю эту обстановку, которая ее окружаетъ, на Борю и Бусю и начинаетъ плакать. Неужели это не сонъ? Неужели все это наяву? Неужели и для нея, для этой маленькой, забитой Вѣры, настали счастливые дни, похожіе на райскую, безмятежную жизнь?

Глядя на ея слезы, Буся тоже начинаетъ хмуриться, но тутъ Боря хватается ихъ обоихъ за руки и тащитъ ихъ за собою снова въ садъ.

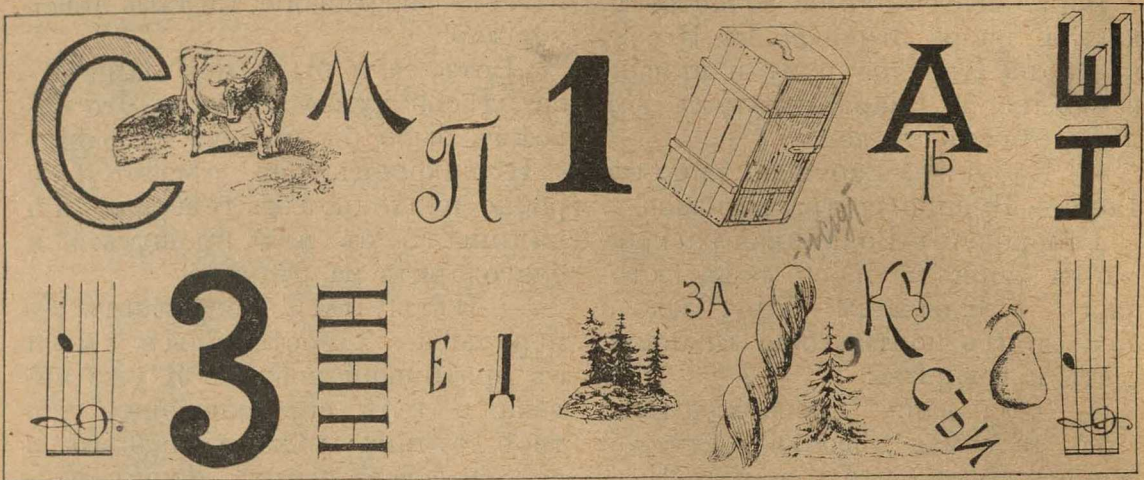
Проходятъ десять минутъ — и изъ парка доносится опять ихъ веселый, радостный смѣхъ и на этотъ разъ уже звонко смѣется и Вѣра. Она освоилась уже со своимъ новымъ положеніемъ и счастлива, счастлива безъ конца.

К. Тр.

К О Н Е Ц Ъ .

Ребусъ № 3.

Ребусъ № 4.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусы, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 1, помѣщенныхъ въ № 1 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I., Сорока „а“ = сорока. II., Сонъ, огни, срубъ, накатъ, актеръ = сосна, III., Буква, труба, окрошка, доска, мука, объявленіе = Курскъ. IV., Дѣдъ, сынъ и внукъ, V., Лиса, Ниль, пила, сани, лапа, панель, линь, планъ, спина, ель = апельсинъ. VII., Долото. VII., Ниль-иль.

Ребусъ № 1. Ут + ромъ + на + лист + очки + че + ре + мухи + осель + а + р + оса = Утромъ на листочки черемухи осѣла роса.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сева Введенскій, Б. Елоховскій, К. Писаржевскій, Ал. Ивановъ, К. Гонсеровскій, И. Кальнинъ, Боря Бокъ, Варвара Джонсонъ, В. Цвѣтковскій, Колюкъ, Кузнецовъ. С. Филиппевъ, М. Петрова-Гладкова, Т. Шентина, Б. Удальцовъ, Мила Сазанова,

Ю. Доброславинъ, Ж. Пименова, А. и Т. Евстратовы, Броня З., Л. и В. Брайносъ, Н. Маттесъ, М. Буйвилло. А. и С. Шатовы, К. Агеева, В. Темниковъ, П. Евдокимовъ, В. Бересневъ, Н. Нейцъ, Г. Рекутъ, Н. Русилова, С. Григорьевъ, Т. Каледина, Гришутинъ, Оксаночка и Нивочка, И. Рудныхъ. Ю. Никитченко, М. и М. Рукобратскія, Дѣти Тыняновы, К. и В. Настрюлины, Л. Эггертъ, В. Ракинъ, Ж. Ламанскій, М. Левинъ, Т. и В. Никитины, Е. Желиговскій, Теръ-Микаэлянцъ, Д. Добровольскій, Н. Климовъ, Л. и З. Голомштоки, М. Алферьевъ, Ида Левинъ, З. Никоро, Ш. Леонтьевъ, С. Кушнеръ, А. Богущевичъ, С. Богдановскій, Эйя и В. Ховенъ, В. Егунова, Б. Романовскій, М. Чурсановъ, Т. и М. Крупчановы, З. и М. Троицкіе, А. и М. Рождественскіе, Е. и П. Розенбергеръ, Коля съ Ланской, Жена Самосьевъ, Игорь Мейендорфъ, В. Рыловъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Утромъ послѣ ёлки.

ДОЖДАЛИСЬ!..

Еще за двѣ или три недѣли
Объ елкѣ стали говорить...
Ребята съ елкой надоѣли,
Начавши рѣзать и сорить.

Они клеили картонажи,
И, сдѣлавъ цѣлый ихъ запасъ,
Желали елку такъ, что даже,
Бѣдняжки плакали не разъ:
— „О, елка милая, когда-же,
„Когда тебя зажгутъ у насъ?“

Но вотъ и елка!.. Зажигаютъ!!
— Идите, дѣти! Васъ зовутъ!
И въ залу дѣти выбѣгаютъ
Шумять, танцуютъ и поютъ.
Имъ мама музыку играетъ,
Они смѣются и шалятъ,
А елка пышная сіяетъ,
Манить къ себѣ сердца ребятъ.
На ней, вверху, звѣзда блистаетъ
И свѣчи ласково горятъ.

Кузнечикъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

3. Разсказъ попугая.

Сорвавшійся во снѣ съ насѣсти попугай хотѣлъ-было снова засунуть голову подъ крыло и попытаться заснуть, но услышавъ разсказъ жирафа про Африку, раздумалъ и насторожился. Онъ тоже былъ родомъ изъ Африки. Когда жирафъ кончилъ, то онъ захлопалъ крыльями и закричалъ на весь звѣринецъ:

— Стойте! Стойте! Молчите всѣ! Сейчасъ буду разсказывать я!

Слонъ считался въ звѣринцѣ старшимъ, всѣ звѣри подчинялись его рѣшенію, и потому нисколько не возразили, когда онъ громко отвѣтилъ:—

— Хорошо, разсказывай! Мы

послушаемъ тебя, хотя ты и птица. А кенгуру раскажетъ послѣ тебя. Попугай усѣлся покрѣпче на своей жердочкѣ и началъ:—

Свѣтило радостное солнце, пальмы высоко шелестѣли въ воздухѣ, цвѣли магноліи и апельсинныя деревья и океанъ тихонько подкатывалъ къ нашему берегу свои волны. Мы сидѣли на вѣтвяхъ и грѣлись на солнышкѣ. Нѣкоторые изъ насъ лазали съ вѣтки на вѣтку, стараясь найти себѣ лучшее мѣстечко и придерживаясь клювами, а нѣкоторые безпомощно срывались и падали на землю и долго еще въ удивленіи лежали на ней, растопыривъ крылья и

не зная, какъ подняться. Мы, попугаи, не созданы для того, чтобы ходить по землѣ такъ какъ мы—птицы лазящія, и потому рѣдко спускаемся по своей охотѣ съ деревьевъ. Около насъ весело играли обезьяны и перебрасывались фруктами, а мы на нихъ глядѣли. Мы давно уже привыкли къ обществу обезьянъ, потому что нѣтъ такой страны на свѣтѣ, гдѣ-бы водились попугаи и въ то-же время не было-бы обезьянъ. Когда мы такъ сидѣли, самый старшій изъ насъ вдругъ сказалъ:

— А не полетѣть-ли намъ на сосѣднюю плантацію и не полакомиться-ли тамъ на чужой счетъ! Вѣдь тамъ давно уже поспѣли ананасы!

Мы обрадовались и хоромъ отвѣтили:

— „Да, да! это хорошо придумано! Все равно ихъ съѣдятъ обезьяны!

Тогда нашъ старшій пронзительно свистнулъ и всѣ мы, сколько насъ было, снялись съ деревьевъ и полетѣли. Не могу описать вамъ того прекраснаго зрѣлища, которое представляла собою тогда наша стая, когда летѣла по воздуху. Зеленныя и ярко-красныя перья на насъ отливали на солнцѣ золотомъ, пурпуромъ и изумрудомъ и даже обезьяны, которыя видѣли насъ каждый день, поднимали кверху мордочки и долго смотрѣли намъ вслѣдъ. Мы птицы

дружныя, никогда не ссоримся, живемъ обществами и всегда дѣлаемъ все сообща.

Прилетѣвъ на большую фруктовую плантацію человѣка, мы стали кружиться надъ ней и ожидать приказанія нашего вожака.

— Вотъ здѣсь! сказалъ онъ.— Не оставляйте ничего! Ыщите на здоровье!

Тотчасъ-же по его знаку отъ насъ отдѣлились три другіе попугая и стали въ разныхъ мѣстахъ на сторожѣ, а мы всей стаей бросились на фрукты. Каждый изъ насъ одной лапкой уцѣплялся за вѣтку дерева, а другой отрывалъ отъ нея фруктъ и подносилъ его къ клюву. Съѣвши фрукты мы раскусывали косточки и съѣдали изъ нихъ ядрышки. Это тоже очень вкусно. А ананасы мы прямо клевали, кто какъ могъ.

Мы такъ увлеклись этимъ воровствомъ, что и не замѣтили, какъ изъ шалашика вышелъ сторожъ. Завидѣвъ его, нашъ вожакъ щелкнулъ языкомъ, а три наши досмотрщика закричали, какъ грачи. Это было предостереженіемъ. Мы вздрогнули и отвѣтили имъ тихимъ общимъ крикомъ, означавшимъ, что мы поняли. Тогда наши сторожа крикнули еще разъ—и вся наша стая снялась съ мѣста и полетѣла домой. Къ сожалѣнію, у человѣка было ружье. Онъ вышалилъ намъ вслѣдъ, хотя ни въ кого и не попалъ.

— Хорошо-же! крикнулъ онъ вдогонку.—Будете вы меня долго помнить! я вамъ отомщу. А затѣмъ онъ почесалъ себѣ затылокъ, поглядѣлъ съ грустью на исклеванные фрукты и жалобно продолжалъ:—Господи Боже нашъ, что теперь съ нами будетъ?

Мы засмѣялись и стали его передразнивать:—

— „Хорошо-же! кричали ему одни изъ насъ.

— „Я вамъ отомщу! повторяли другіе.

Человѣкъ еще долго ругался и угрожалъ намъ, но главное было

сдѣлано—мы уже были сыты—и потому всей стаей полетѣли пить. Мы вообще любимъ попить, а въ особенности, когда вода немножко соленая. Какъ разъ черезъ нашъ лѣсъ протекалъ солонцеватый ручей, по берегамъ котораго росли удивительныя деревья и кустарники, въ листьѣ которыхъ, какъ пчелки, летали маленькія птички колибри и своими длинными клювами выпивали изъ орхидей ихъ душистый сокъ. Вотъ туда-то мы и полетѣли. Напившись до-сыта, мы стали купаться, а потомъ, всѣ мокрые, вылѣзли на песокъ и стали имъ обсыпаться. Это служило намъ простыней: песокъ впитывалъ въ себя съ насъ воду и обсыпался и такимъ образомъ мы становились сухими.

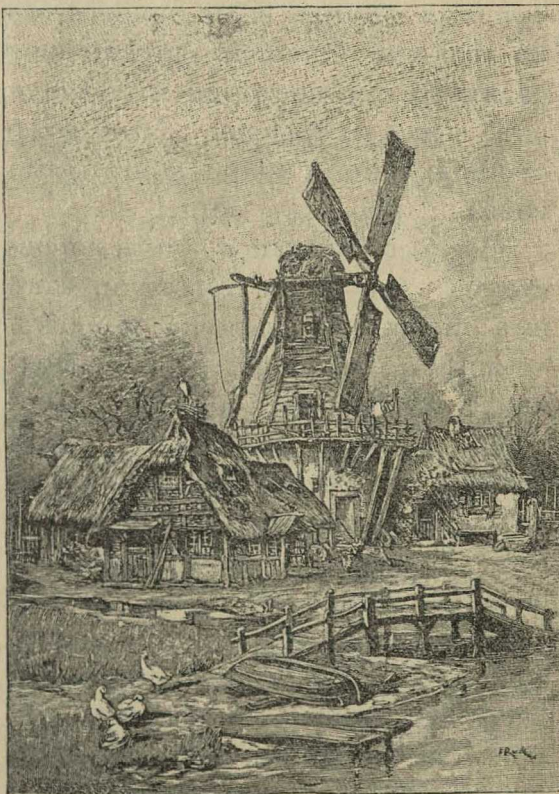
Затѣмъ мы полетѣли обратно къ себѣ домой.

— „А сейчасъ будетъ дождь! крикнулъ намъ вожакъ.—Смотрите, какая туча!

— „Вотъ хорошо-то! воскликнули мы.—Мы такъ любимъ, когда насъ мочить теплымъ дождемъ!

Туча надвигалась. Загремѣлъ громъ и все въ лѣсу пріумолкло. Обезьяны попрятались, птицы разлетѣлись по гнѣздамъ. Одни только мы съ радостнымъ свистомъ сидѣли на самыхъ вершинахъ деревьевъ и ожидали дождя.

— „Вотъ, если-бы насъ лучше смочило! говорили мы.—Мы такъ любимъ теплый дождь!

Мельница у рѣчки.

Сверкнула молнія, загремѣлъ громъ и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Мы растопырили крылья и подставили себя подъ струи.

— „Дурачьё! крикнула намъ изъ-подъ листвы мартышка.—Вѣдь этакъ на васъ не останется ни одного сухого пера!

— Намъ это нравится! весело отвѣтили мы ей.— Мы это любимъ!

Дождь прекратился, опять засіяло солнце, мы высохли и—какъ ни въ чемъ не бывало!

— „Ну, хорошо-же! все еще повторяли нѣкоторые изъ насъ.

— „Я вамъ отомщу! повторяли другіе.

Странное дѣло! Мы такъ любимъ купаться и подставлять себя подъ дождь, но очень неохотно спимъ ночью подъ открытымъ небомъ. А между тѣмъ наступалъ уже вечеръ. Поэтому каждый изъ насъ сталъ подыскивать для себя подходящій уголокъ. Одни спрятались по дупламъ, другіе забрались въ самую гущину листвы, а третьи прицѣпились лапками и клювами къ корѣ деревьевъ и такъ тѣсно прижались къ нимъ грудью и животами, что стали похожими на зеленныя и красныя листья. Я влѣзъ въ дупло, но оно было такъ мало, что мнѣ пришлось выставить изъ него наружу хвостъ. Рядомъ съ моимъ дупломъ было другое, побольше, и въ немъ тоже сидѣли два попугая, мужъ

и жена. Они сидѣли тамъ уже давно и мы ихъ не беспокоили, такъ какъ они выводили птенцовъ. Мы, попугаи, вообще очень любимъ тихую семейную жизнь и всякій разъ мнѣ было пріятно смотрѣть, какъ эти два супруга поочередно смѣняли другъ друга и какъ самецъ, садясь на яйца вмѣсто самки, обязательно цѣловаль ее въ клювъ и посылалъ ее кормиться.

— Ну, иди, полетай немного! говорилъ онъ ей.—Ты ужъ утомилась! А я ужъ посижу за тебя!

Въ этотъ вечеръ я слышалъ, какъ они мечтали о своемъ счастьѣ.

— „Завтра кончается уже 22-й день, какъ мы высиживаемъ наши яйца, съ восторгомъ говорилъ супругъ,—и у насъ будутъ птеньчи-

Одноцвѣтный попугай Какаду.

ки.—Воображаю, какіе они будутъ забавные! Голенькіе, головастые, слѣпые!.. Только на десятый день они прозрѣютъ и начнутъ покрываться пушкомъ... Какъ-бы они не простудились и не вывалились случайно изъ гнѣзда!

— „Ничего!.. отвѣтила самка.— Я ихъ буду прикрывать крыльями и удерживать клювомъ! А если который изъ нихъ очень озябнетъ, то я возьму его въ одну лапку, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, и прижму его къ груди. Ему и станетъ отъ этого теплѣе.

Такъ они разговаривали, я слушалъ ихъ, но дремота наконецъ сковала мои члены и я заснулъ.

Среди ночи я былъ разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ. Кричали и хлопали крыльями попугай, слышались человѣческіе голоса. Какой-то человѣкъ подошелъ къ моему дуплу и направилъ фонарь прямо на меня. Свѣтъ ослѣпилъ меня, но въ одинъ моментъ я узналъ, что это былъ тотъ самый человѣкъ, у котораго наканунѣ мы склевали на плантаціи фрукты. Около него былъ и другой.

— Хватай его за хвостъ! крикнулъ онъ, указавъ на меня.—Суй его въ мѣшокъ! Такъ ему и надо.

И не успѣлъ я опомниться, какъ былъ уже въ мѣшкѣ, гдѣ было много и другихъ такихъ-же несчастныхъ жертвъ, какъ и я.

— „Я вамъ отомщу! закричалъ

я во все горло.—Я вамъ отомщу! Ну, хорошо-же!

Но пѣсня моя была уже спѣта. Я лишился свободы навсегда.

Человѣкъ принесъ насъ къ себѣ домой и, не развязывая мѣшка, свалилъ насъ всѣхъ прямо на полъ. Намъ было тѣсно и душно, тяжело было дышать. Мы лежали одинъ на другомъ и слышали, какъ самые нижніе изъ насъ стояли отъ тяжести.

— „Мы умираемъ отъ жажды! говорили они.—Намъ нечѣмъ дышать!

А какой-то попугай съ самага дна мѣшка вдругъ жалобно проговорилъ:

— „Господи, Боже нашъ, что теперь съ нами будетъ!“

Прошла мучительная ночь и наконецъ, сквозь матерію мѣшка мы увидали слабый свѣтъ. Значить, наступило уже утро. Послышались шаги и голоса людей. Насъ подняли затѣмъ съ земли и куда-то понесли. Мы скоро услышали шумъ волнъ.

— „Это море! обратился ко мнѣ сосѣдъ.— Неужели насъ хотятъ утопить?

Но скоро человѣкъ развязалъ мѣшокъ и всѣхъ насъ, сколько насъ было, вытряхнулъ въ большую клѣтку. Я оглядѣлся и увидѣлъ, что мы на пароходѣ. Многіе изъ насъ уже околѣли и ихъ безъ всякой жалости бросили прямо въ море. Затѣмъ нашъ хозяинъ

получилъ отъ капитана деньги и ушелъ. Капитанъ подошелъ къ намъ поближе и поглядѣлъ на насъ.

— „Хорошій товарищъ!.. самодовольно сказалъ онъ. — Я выручу за него въ Европѣ большія деньги!..“

— „Я вамъ отомщу! вдругъ крикнулъ на него одинъ изъ нашихъ попугаевъ.“

Капитанъ и матросы расхохотались и стали между собою разговаривать.

Въ клѣткѣ мы оказались не одни. Въ ней уже сидѣли пойманные раньше насъ мартышки и испуганными глазами озирались кругомъ. Какъ и намъ, имъ, бѣдняжкамъ, тоже хотѣлось пить и онѣ высовывали отъ жажды розовые языки и лизали ими запекшіяся губы. Въ клѣткѣ было такъ тѣсно, что негдѣ было повернуться. Наконецъ матросъ поставилъ передъ нами корытце съ водой и мы всѣ бросились пить. Произошла такая давка, что многіе изъ насъ были придавлены обезьянами и околѣли и были выброшены за бортъ. Я утолилъ свою жажду и забился въ уголокъ.

Затѣмъ пароходъ отчалилъ отъ берега и закачался по волнамъ. Отъ качки у меня стала кружиться голова, я закрылъ глаза и сталъ думать о своей судьбѣ. Куда меня везли? Увижу-ли я опять свою родину?

— „Сегодня у меня долженъ былъ вылупиться мой первый птенецъ, вдругъ услышалъ я около себя голосъ.—Воображаю, какой онъ голенькій и смѣшной!“

Я открылъ глаза и увидѣлъ около себя того самого попугая, который разговаривалъ вчера рядомъ со мной со своей самкой. Бѣдный! И онъ тоже попалъ сюда!

— „Бѣдная моя жена! снова вздохнулъ онъ.—Какъ-то она теперь будетъ безъ меня!“

Мнѣ было жаль его, но отъ качки я такъ страдалъ, что ничего не могъ сказать ему въ утѣшеніе.

Цѣлые полтора мѣсяца мы плыли на пароходѣ и наконецъ насъ привезли въ Европу. Боже мой, сколько за это время изъ насъ погибло попугаевъ и мартышекъ! Мнѣ даже страшно объ этомъ подумать! Насъ уцѣлѣло всего только десятка два, а были цѣлыя сотни.

Когда насъ выносили на берегъ, то было холодно и вся земля была покрыта бѣлымъ пухомъ. Люди называли это снѣгомъ. Я дрожалъ и мнѣ такъ хотѣлось покоя и тепла!

— „Куда насъ привезли? спросила меня съезжившаяся мартышка.“

— „Не знаю... равнодушно отвѣтилъ я.“

Затѣмъ наступила ночь и я заснулъ, но сквозь сонъ я слышалъ, какъ меня куда-то понесли.

На святкахъ.

По первому ледку.

Когда я проснулся, то было съренькое утро и я увидѣлъ себя въ полутемномъ магазинѣ, сплошь увѣшанномъ клѣтками, въ которыхъ томились общипанныя и исхудавшія птицы. Это была продажа птицъ. Боже мой, какъ мнѣ здѣсь не понравилось и какъ мнѣ было скучно потомъ цѣлые дни и ночи просиживать въ тѣсной клѣткѣ и цѣпляться клювомъ за ея холодные желѣзные прутья!

Недѣли черезъ двѣ къ намъ въ магазинъ пришла какая-то старуха, долго разглядывала меня и моего сосѣда, купила насъ и увезла къ себѣ. Насъ приковали за лапки къ цѣпочкѣ и стали мы узниками навсегда.

— „Господи, Боже нашъ, то и дѣло твердилъ мой товарищъ по несчастью,—что теперь съ нами будетъ?“

Затѣмъ насъ стали учить говорить. Хозяйка поставила передъ нами зеркало, а сама спряталась за него и стала повторять: — Попочка дуракъ!

Мы думали, что это было не наше отраженіе въ зеркалѣ, а другіе живые попугаи, которые разговаривали съ нами, и стали тоже повторять:

— Попочка дуракъ!

Наша хозяйка была въ восторгѣ.

Прошли три мѣсяца. По прежнему было холодно, висѣли тучи и съ неба валился пухъ. Я тосковалъ по родинѣ и по теплу, по

высокимъ деревьямъ, по голубому, прекрасному небу и лазурнымъ волнамъ. Мой товарищъ нахохлился и пересталъ ѣсть.

— Я боленъ... сказалъ онъ мнѣ.
— Я хочу на родину.

Я глубоко вздохнулъ и не отвѣтилъ.

Его здоровье со дня на день становилось все хуже и хуже и наконецъ онъ захирѣлъ совсѣмъ. Чтобы онъ поправился, хозяйка стала давать ему въ пищу сырое мясо. Но мы его сроду не ѣли и намъ было противно. Впрочемъ, мы примирились со своей судьбой и скоро привыкли. Отъ сырого мяса начался зудъ по всему нашему тѣлу, мы не могли отъ него заснуть, намъ хотѣлось все время чесаться и мой пріятель сталъ сощипывать съ себя перья.

— Я больше не могу! сказалъ онъ.—Я умру отъ этого зуда!

— Дуракъ ты, попочка! отвѣтилъ я ему, чтобы хоть что-нибудь сказать.

На слѣдующее утро я былъ страшно удивленъ. Мой пріятель былъ совершенно голымъ: онъ общипалъ на себѣ всѣ перья. На него было жалко смотрѣть. Онъ сидѣлъ на своей жердочкѣ и угрюмо молчалъ.

Пришла хозяйка, посмотрѣла на него и покачала головой. Затѣмъ она подошла къ двери и крикнула кухаркѣ:

— „Авдотья! Возьми эту дрянъ

и прикажи дворнику выбросить ее вонь!

Кухарка подошла къ моему со-сѣду, сняла его съ цѣпочки и, взявъ за лапки, внизъ головою, потащила его изъ комнаты.

— „Я вамъ отомщу! кричалъ бѣдняга.—Я вамъ отомщу!

А я остался одинъ и съ горечью проговорилъ:—

— „Господи, Боже нашъ, что теперь будетъ?

А затѣмъ я положилъ голову подъ крыло и старался забыться и не думать ни о чемъ.

— „Надо-бы и этого попку куда-нибудь пристроить! вдругъ услышалъ я голосъ хозяйки.— Только одна нечистота! Ты-бы, Авдотья, снесла его въ звѣринецъ и тамъ бы его продала. А то, пожалуй, еще издохнетъ и онъ. А тебѣ дамъ за это на чай!

Кухарка завернула меня въ платокъ, я уцѣпился ей лапками въ палець—и вотъ я съ тѣхъ поръ въ этомъ звѣринцѣ. Наско-

лько хороша здѣсь моя жизнь, предоставляю вамъ судить самимъ. А теперь прощайте, спасибо вамъ, что вы все выслушали меня,—и я опять постараюсь заснуть... Быть можетъ, мнѣ это и удастся...

Попугай захлопалъ крыльями и зазвенѣлъ своей цѣпочкой.

— Да тебѣ сколько лѣтъ? спросилъ его слонъ.

— Не знаю... лѣниво отвѣтилъ разскащикъ.—Много! Вѣдь мы, попугай, живемъ по триста и по четыреста лѣтъ... Когда я жилъ на свободѣ, то ни разу не видѣлъ, что такое смерть и трупъ, и только познакомился съ этимъ въ неволяхъ...

— Такъ-же, какъ и у насъ, слоновъ...проговорилъ глухо слонъ.—Мы тоже живемъ чуть не по тысячѣ лѣтъ и почти никогда не хвораемъ на свободѣ...

И все звѣри замолкли. Вѣтеръ становился еще сильнѣе и уже на разные лады, громко завывалъ въ щели звѣринца.

С. Вершининъ.

Ё Л К А.

Ёлка въ нарядномъ уборѣ:
Звѣздочки-свѣчи горять...
Радость въ младенческомъ взорѣ:
Столько подарковъ висятъ!

Куклы, коровки, лошадки,
Цѣлое стадо гусей,
Дѣтскія санки, кровати,—
Множество всякихъ сластей...

Бѣгаютъ дѣти вокругъ ёлки,—
Звонокъ ихъ радостный смѣхъ...
Сыплятся тихо иголки,
Шумно спадаетъ орѣхъ...

Дѣти гурьбой поднимаютъ,
Радостно, шумно кричатъ...
Счастьемъ ихъ глазки сияютъ...
Звѣздочки-свѣчи блестятъ.

В. Черновъ.

ВЪ СОБАЧЬЕЙ КОНУРѢ.

Кирѣ было всего только шесть лѣтъ, когда однажды ночью ее разбудила мать Августа и сказала:

— Вставай, Кира! Уже полночь. Пора. Сегодня родился нашъ Спаситель Христосъ и мы должны ему помолиться.

Кира знала, что она была христіанка, и уже не разъ была съ матерью на богослуженіяхъ, которые христіане совершали въ пещерахъ, вырытыхъ подъ землею. Въ то время со дня смерти Христа прошло всего еще только пятьдесятъ лѣтъ, всѣ люди были еще язычниками и только небольшая кучка послѣдователей Христа исповѣдывала единого Бога и должна была скрываться, такъ какъ христіанство считалось вреднымъ и его послѣдователи подвергались мученіямъ и цѣлыми сотнями отдавались на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

— Пойдемъ, моя дѣтка, сказала Августа—Уже пора!

Кира протерла глаза, одѣлась и, какъ было уже не разъ, отправилась съ матерью на богослуженіе. Они прошли черезъ весь городъ, вышли въ поле и, оглянувшись по сторонамъ, отыскали во мракѣ ночи входъ въ пещеру, зажгли свѣтильникъ и спустились въ подземелье. Здѣсь шла уже служба. Нѣсколько десятковъ христіанъ стояли въ бѣлыхъ одеждахъ со свѣчами въ рукахъ и пѣли. Одинъ изъ нихъ, въ ризахъ, совершалъ богослуженіе. Кира была еще мала, но уже тогда ей нравились это всеобщее пѣніе, это мерцаніе свѣчей въ подземномъ маленькомъ

храмѣ и эта тайна, которую были связаны между собой христіане и которую они такъ усердно хранили.

И вдругъ у входа въ пещеру послышались бряцаніе оружія и голоса.

— Вотъ здѣсь! крикнулъ кто-то.—Я видѣлъ, какъ сейчасъ сюда вошла женщина съ дѣвочкой и скрылась подъ землей! Развѣ вы не слышите, какъ они поютъ? Входите-же смѣлѣе!

Всѣ христіане вздрогнули, и тотчасъ-же смолкли. Они погасили свѣчи и вся пещера погрузилась въ темноту. Богослуженіе прервалось.

— Сюда! Сюда! раздавались у входа голоса.—Входите смѣлѣе! Не бойтесь!

Теперь для христіанъ было ясно, что это были солдаты, которые выслѣдили ихъ убѣжище и пришли ихъ арестовать.

— Да будетъ на все воля Господня! сказалъ совершавшій богослуженіе старецъ.

Затѣмъ замелькали подъ землей огни, застучали подошвы, забряцало оружіе—и въ эту ночь подъ рождество всѣ христіане были арестованы и отведены въ тюрьму. Часть ихъ была предназначена на растерзаніе звѣрямъ, другіе подверглись казни, а Августа и Кира были выведены на базаръ и проданы въ рабство. Августа—къ одному владѣльцу и Кира къ другому.

— Прощай, моя дочь! ласково сказала Кирѣ мать.—Теперь мы ужъ не увидимся больше никогда!

Кира плакала въ три ручья и не хотѣла разставаться съ матерью.

— Ты еще маленькая, продолжала мать,—но никогда не забывай, что ты уже крещена и принадлежишь Христу! Какая-бы судьба тебя ни постигла, не забывай Его, переноси безропотно страданія, прощай обиды, жертвуй своей жизнью для другихъ—и только тогда Господь снова соединитъ насъ обѣихъ на небѣ!

Киру грубо оттащили отъ матери, и куда-то повели, но она твердо запомнила эти ея слова. Она рѣшила во что-бы то ни стало исполнить ихъ, чтобы снова соединиться съ нею хотя-бы на небѣ,—и вотъ мы застаемъ ее въ роскошной виллѣ римскаго вельможи Феликса Хлора, находившейся на самомъ берегу голубого Адриатическаго моря. Прямо отъ дома и до самой воды вела широкая, мраморная лѣстница, позади дома убѣгалъ наверхъ прекрасный паркъ, весь уставленный статуями и посаженный рѣдкими, тропическими растеніями, и тамъ и сямъ, у журчавшихъ ручейковъ, были выстроены затѣйливыя бесѣдки. На всемъ лежалъ отпечатокъ довольства и благополучія и видно было, что хозяинъ не жалѣлъ средствъ на то, чтобы сдѣлать свою виллу прекрасной.

Кири было уже девять лѣтъ и она жила въ паркѣ, въ собачьей конурѣ. Она была приставлена къ большой, цѣпной собакѣ Тигру, которую должна была кормить и поить и за которой должна была убирать. Другого помѣщенія для нея не нашлось, да ее и купили именно для этой цѣли. Между громаднымъ неукротимымъ псомъ и

маленькой, нѣжной, тщедушной дѣвочкой сразу-же установилась искренняя преданная дружба. Кира уже три года жила вмѣстѣ съ Тигромъ въ будкѣ, ѣла вмѣстѣ съ нимъ изъ одной чашки, глодала недоглоданныя имъ кости и спала, крѣпко прижавшись къ его боку. Достаточно было одного только слова Киры, чтобы собака смирялась и переставала лаять.

Дѣвочка не жаловалась на судьбу. Она ни на одну минуту не забывала того, что сказала ей мать при разставаніи, и каждый вечеръ, когда угасала заря и на небѣ появлялись кроткія звѣзды, она поднимала глаза кверху и шептала:

— Боженька, соедини меня съ мамой! Я такъ по ней скучаю!..

У Феликса Хлора была единственная дочь Люція. Онъ ее боготворилъ. Ее мать умерла еще тогда, когда она была еще ребенкомъ. Оставшись съ дѣвочкой одинъ, отецъ окружилъ ее роскошью, предоставилъ въ ея распоряженіе цѣлыя десятки рабовъ и рабынь, не жалѣлъ для нея ничего, но чѣмъ больше она росла, тѣмъ все болѣе и болѣе скучала. Ея дѣтство прошло въ бездѣльи, а когда она стала уже восемнадцати лѣтней дѣвушкой, то тѣмъ болѣе за нее все дѣлали другіе,—и вся окружавшая ее роскошная обстановка создала въ ней чувство неудовлетворенности, высокомерія и презрѣнія къ рабамъ. Развѣ всѣ они не были приставлены къ ней для того, чтобы ей служить? Развѣ она не могла всѣхъ ихъ продать и даже распорядиться ихъ жизнью, какъ хотѣла?

Быль декабрь, 24-е число. Люція стояла у самага моря и равно-

душно смотрѣла на волны и бѣлѣвшіеся на нихъ паруса. Не смотря на зиму, кругомъ все было зелено и тепло и небо было такое голубое, какъ лѣтомъ. Но для нея все это было очень привычно и обыкновенно и она стояла на мраморной лѣстницѣ и скучала.

„Развѣ поѣхать покататься?“ подумала она. — „Такая скука“!..

Только недавно отецъ подарилъ ей пару превосходныхъ арабскихъ, уже выѣзженныхъ лошадей. Она ѣздила на нихъ одна и любила ими править, хотя отецъ и опасался отпускать ее безъ кучера-раба.

И она поднялась по лѣстницѣ и направилась къ тому мѣсту, гдѣ изъ-за густой зелени олеандровъ и туй виднѣлись красныя крыши конюшенъ.

По дорогѣ ей встрѣтился отецъ. Феликсъ Хлоръ шелъ, опустивъ голову, и лицо его было мрачно. Но увидѣвъ любимую дочь, онъ улыбнулся и морщины разгладились на его высокомъ лбѣ. Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее.

— Ты куда? спросилъ онъ.

— Иду приказать Нумерію запречь мнѣ лошадей, отвѣтила Люція. — Хочу покататься...

Феликсъ Хлоръ опять сдѣлался серьезнымъ.

— Я радъ, что встрѣтилъ тебя... сказалъ онъ. — Мнѣ нужно съ тобой поговорить! Сядемъ здѣсь и выслушай меня...

Она сдѣлала досадливое движеніе.

— Только недолго, отвѣтила она, — а то скоро уже стемнѣетъ!

— Нѣтъ, я не задержу тебя... продолжалъ отецъ. — Я постараюсь быть короткимъ. Только и ты вы-

слушай меня внимательно. Сегодня ко мнѣ неожиданно явился этотъ самый рабъ Нумерій, о которомъ ты сейчасъ упомянула, и сообщилъ мнѣ слѣдующее. Пятьдесятъ три года тому назадъ, въ далекой отсюда Палестинѣ, появился какой-то человекъ, котораго называютъ Христомъ и который, говорятъ, совершалъ чудеса и отличался строгостью жизни. Но не это важно. Важно то, что онъ проповѣдывалъ любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ, что всѣ люди свободны и равны и что поэтому не должно существовать ни господъ, ни рабовъ, и мы, знатные патриціи, не должны владѣть людьми. Это-бы ничего, но оказывается, какъ донесъ мнѣ Нумерій, что нѣкоторые изъ нашихъ рабовъ считаютъ этого Христа своимъ Богомъ и готовы перенести за него всевозможныя мученія. Ты знаешь, сколько у насъ рабовъ. Ихъ нѣсколько сотъ. Одна ты имѣешь около своей особы сорокъ рабынь. Вообрази теперь, что вся эта масса безправной челяди потребуетъ вдругъ отъ насъ свободы!

Онъ провелъ рукою по лицу и уже шепотомъ продолжалъ:

— Нумерій донесъ мнѣ также, что каждую ночь наши христіанерабы собираются всѣ вмѣстѣ въ отдаленномъ сараѣ, тамъ совершаютъ свои богослуженія и стройно поютъ всѣ хоромъ. Сегодня они тоже соберутся тамъ и будутъ пѣть въ полночь, такъ какъ въ этотъ день, говорятъ, родился ихъ Христосъ...

— Ну, и пусть себѣ поютъ! сказала въ нетерпѣннн Люція. — Тебѣ то что до нихъ за дѣло!

— Дѣло большое, продолжалъ

Феликсъ Хлоръ.—Послѣ каждаго богослуженія въ сараѣ рабы разбиваются на двѣ группы и начинаютъ совѣщаться: одни изъ нихъ требуютъ для себя немедленной же свободы и готовы пойти противъ меня и тебя съ оружіемъ въ рукахъ, другіе же совѣтуютъ имъ покоряться, выносить безропотно свое рабство и ждать. Такъ вотъ, Люція, я хотѣлъ тебя предупредить отъ первыхъ. Какъ-бы они тебя не обидѣли. Ты всюду ходишь и ѣдишь одна... Къ тому же на тебѣ всегда эти брилліанты. На нихъ ктонибудь можетъ польститься. Я повторяю, Люція: какъ-бы тебя кто-нибудь не обидѣлъ!

Глаза Люціи метнули искры.

— Обидѣть меня? возразила она.—Да кто-же это посмѣетъ?

И она поднялась со скамьи и горделивой походкой отправилась къ конюшнямъ. Отецъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, покачалъ головой и тоже пошелъ своей дорогой.

Люція дошла до конюшни, приказала Нумерію запретъ лошадей, вскочила на колесницу, схватила вожжи и во всю рысь выѣхала изъ усадьбы.

— Будь осторожна! крикнулъ ей въ окно отецъ.

Уже вечерѣло, когда, накатавшись, Люція возвращалась домой. Проѣхавъ черезъ паркъ она вдругъ вспомнила о своемъ брилліантовомъ ожерельѣ и хватилась его. Оно все еще висѣло у нея на шеѣ, но только одного брилліанта, самаго крупнаго, на немъ не оказалось. Она потеряла его по дорогѣ. Въ это время лошади бѣжали мимо собачей будки, въ которой жила Кира. Заслышавъ ихъ, Тигръ

выскочилъ изъ нея и, загремѣвъ цѣпью, сталъ громко лаять.

— Кира! крикнула Люція, остановившись у будки.— Выйди-ка сюда на минуту!

— Сейчасъ, сейчасъ, госпожа! послышался дѣтскій голосокъ.— Вотъ и я!

Изъ отверстія собачей конуры вдругъ показалось хорошенькое, худенькое личико Киры. Она вылѣзла на воздухъ. Грязныя лохмотья покрывали ея плечи, волосы были нечесаны, но по выраженію ея глазъ и губъ можно было догадаться, что въ ея жилахъ текла благородная кровь.

— Тише, Тигръ, уймись! крикнула она на собаку.— Ты мѣшаешь госпожѣ говорить!

Тигръ успокоился и, гремя цѣпью, снова убрался въ будку.

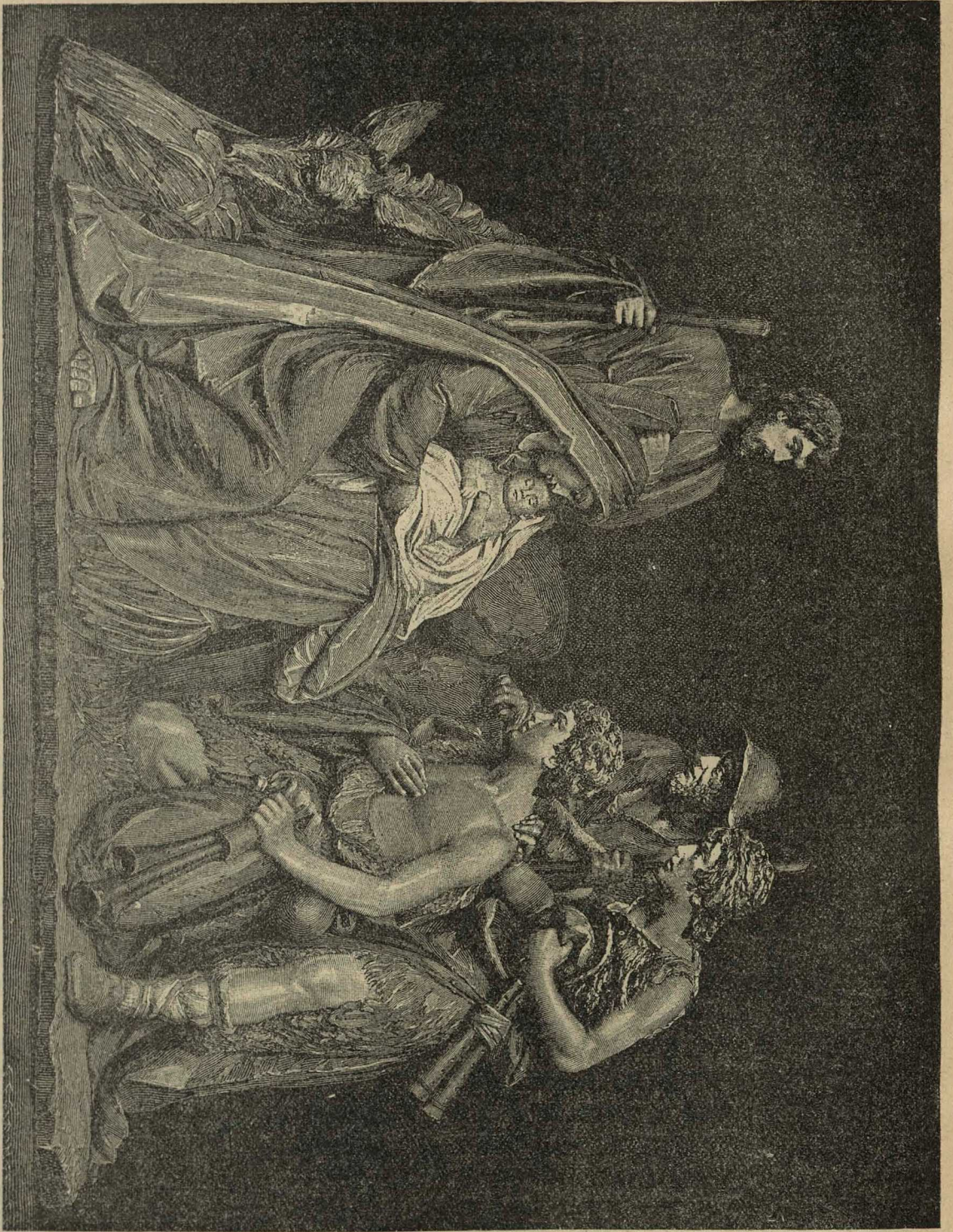
— Приказывай, госпожа, обратилась Кира къ Люціи.— Я слушаю тебя!

Люція показала ей на свое ожерелье. Оно сверкало на лучахъ заходившаго солнца, какъ тысячи звѣздъ.

— Видишь ты это ожерелье? указала Люція.— На немъ не хватаетъ самаго большого брилліанта. Я его сейчасъ гдѣ-то потеряла. Пойди и поищи его. Ты должна его найти. Я буду ждать здѣсь твоего возвращенія.

Люція спрыгнула съ колесницы, хлестнула по лошадямъ и онѣ сами побѣжали въ конюшню. Нумерій выбѣжалъ, принялъ ихъ и сталъ распрягать.

Кира отправилась на поиски. Она шла по слѣдамъ, оставленнымъ копытами лошадей, осматривала каждый комочекъ и каждую тра-

Поклоненіе пастуховъ.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подробное содержаніе «Золотого Дѣтство».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство, въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

☞ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ☞

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.